

Ханс Хеннинг Хан

Самосознание и размежевание. Граница как явление менталитета

Если бы человека, жившего в одну из предшествующих эпох, спросили, как выглядит Европа (или какая-то ее часть), то в ответ, вероятнее всего, услышали бы описание многочисленных горных цепей, долин, рек, озер, лесных массивов или степей, и лишь в самом конце были бы названы границы чьих-то владений. Если тот же вопрос задать современному человеку, то в качестве ответа в Западной Европе может быть представлена сеть тамошних автострад. Однако прежде всего в человеческом сознании возникает довольно четко разделенная географическая карта, с выразительно отграниченными друг от друга цветными пятнами отдельных государств. Теперь уже не природа, а политические границы определяют наше представление о мире. Можно ли говорить, что в нашем менталитете политика победила географию? А может даже природу?

Во всяком случае, границы – явление не природное, то есть они не даны нам изначально (поэтому нельзя говорить о существовании так называемых «естественных» границ), наоборот, это продукт социальной деятельности человека, продукт общественной жизни людей. И как все, что создано человеком, это прежде всего – результат человеческого представления о том, каким должен быть мир и какой в нем должен существовать порядок. Поэтому конфликты из-за границ всегда являются также конфликтами между разными представлениями о порядке.

В данных феноменологических размышлениях о понятии границы я сосредоточился прежде всего на двух аспектах:

- а) что такое граница в представлении людей?
- б) каковы функции границы?

Итак, что такое граница? Какой она представляется людям? Вернемся еще раз к нашей географической карте. На тех

картах, на которых делается попытка проиллюстрировать религиозную или конфессиональную принадлежность, на тех, задача которых – показать этническую классификацию, а также на картах, составленных для общественно-экономической истории, мы часто встречаем заштрихованные поверхности. Ибо только именно по этим направлениям можно изредка провести однозначные границы, если при этом учитываются «объективные» факторы. Однако в политике важны четкие границы. В процессах создания современных государств прилагаются усилия к тому, чтобы не допустить возникновения вышеназванных «заштрихованностей». Ибо заштрихованные территории противоречат представлениям современной политики о необходимости существования определенного порядка и в силу этого считаются факторами, способствующими углублению конфликтов или даже повинными в их возникновении.

Сначала «граница» совершенно явно понималась не как линия, но как пространство. Между группами населения существовали изолирующие зоны (болота, чащи, степи или пустыни), выполнявшие функции границ. Латинское слово «лимес» первоначально обозначало одновременно «тропинка», а также «полоса земли», по которой войска могли вторгнуться на вражескую территорию. Лишь позднее, по мере возрастающей необходимости в обороне, из этого создавалась укрепленная военная дорога, а затем - граница.

Однако такие изолирующие перегородки на земле не являются «естественными границами», ибо их разграничивающий характер определяется уровнем, которого достигло человечество в области коммуникации, а тут дело может выглядеть по-разному. Так, например, корсиканцы, населяющий горные территории народ крестьян и пастухов, совершенно недвусмысленно своей границей считали окружающее их море, а не корсиканскую горную чащу «маки», которую до сих пор кое-кто считает непроходимой. А греки еще в древние времена рассматривали Эгейское море как общую территорию, поэтому восприняли и использовали его не как разграничивающий элемент, но наоборот – как объединяющий и создающий дополнительное пространство.

С границей как пространством мы встречаемся в истории везде, причем во всех частях земного шара. Однако превращение понятия границы из разграничивающей полосы (пространства) в демаркационную линию вовсе не обязательно происходит в результате растущей плотности населения и улучшения процесса использования земель, на что указывал еще в 1928 году

известный французский историк Люсьен Февр в своем эссе о понятии «фронтье», но имеет причинную связь с развитием понятия государства и с представлением о том, в какой форме организуется человеческое сообщество. Подобный процесс рационализации можно проследить как в период античности, так и в Европе на этапе перехода к периоду современной истории. Современное понятие суверенности и содержащийся в нем принцип монополии государственной власти как во внешних, так и во внутренних вопросах, предполагает существование однозначно разграниченных и четко определяемых пределов господства. С этимологической точки зрения понятие «дефиниция» (определение) означает «проводить (определять) границу» и является результатом процесса рационального упорядочения действительности. Эквивалентом этого является сегодняшнее понимание границы как линии, так как линия в пейзаже – это абстракция и создается лишь через акт рационализации. Но представление о границе как пространстве вовсе не исчезло, наоборот, в XIX и XX вв. оно сыграло серьезную роль. Всем нам известно то значение, которое имеет для населения Соединенных Штатов определение «фронтье». И идеологи немецкой миссии на Востоке в XIX веке понимали границу как пространство, используя в качестве оправдательного аргумента убеждение в необходимости существования защитного вала. Гитлеровская программа завоевания жизненного пространства стала продолжением этого слияния двух аспектов в одном понятии, но продолжением, переполненным расизмом. Границу мистифицировали, преподносили как политическую задачу, как предназначение, даже как судьбу. Таким образом, понятие границы как пространства играет важную роль, вероятнее всего, тогда, когда мы имеем дело с политической мифологизацией, когда иррациональные элементы начинают приобретать все возрастающее значение в политике. Когда Йозеф Алоиз Шумпетер, оспаривая ленинскую теорию империализма, писал в 1919 году, что империализм это «расширение пределов власти без возможности обозначить, где проходят границы» (см. «Очерк социологии империализма», 1919), то он, собственно, усматривал в упадке политического и экономического рационализма причину империалистического развития, которое, по его мнению, явилось полным отрицанием рационального по своей сути капитализма.

Почему в человеческом сознании мир разделен границами? Главная функция границ заключается в том, чтобы удовлетворять потребность человека в ориентировке. Человек – существо, живущее, объединяясь в социальные

группы, и в связи с этим ему необходимо определять, какая группа является его собственной и чем она отличается от остальных. Формирование или поиски своего самосознания - важнейший элемент как для индивидуального, так и коллективного поиска собственного места в сложном мире. Я вначале сознательно опускаю индивидуально-психологический аспект и сразу перехожу к формированию коллективного самосознания - в процессе размежевания, то есть восприятия различий и признания их существенными.

Отсюда следует, что границы рождаются и существуют в человеческом сознании затем, чтобы люди с их помощью могли обозначить различия, в существование которых они верят, то есть и видят их, и считают существенными. Очень важно, что речь здесь идет не о так называемой «объективной» действительности, а о восприятии, перцепции. Таким образом, формирование самосознания/самоопределения начинается всегда в воображаемом процессе проведения границ. Так же, как это имеет место в индивидуальной психологии (поиски самосознания/самоопределения в возрасте созревания, конфликты между поколениями и т. п.), так и формирование коллективного самосознания/самоопределения и проведение границ может происходить медленно, почти незаметно, а может - резко и внезапно. Возникший таким путем порядок существует сначала в нашем сознании, черпая свою легитимность первоначально лишь из перцепции. «Объективизация» этого порядка, то есть «легитимизация» границ, происходит за счет попыток как можно более расширить круг единомышленников в выборе категорий, по которым определяется существование границ. Порядок вещей приобретает обязательный характер, когда категории, на основании которых проведена дифференциация людей, различия между «мы» и «они», то есть те, на основании которых проведены границы, признаны всеми в одинаковой степени существенными и обязательными. В том случае, когда достижение подобного согласия всех сторон невозможно или вызывает споры, возникают конфликты. Таким образом, мир означает, что достигнуто соглашение относительно существующего положения вещей (порядка) и, следовательно, относительно существующих границ, а также что соглашение это останется самым стабильным.

Принятие этого аргумента означает далее, что границы прежде всего дифференцируют и отделяют друг от друга группы людей. Лишь во вторую очередь они становятся границами территорий, тогда, когда отдельные группы

идентифицируют себя с определенными территориями или же рассматривают их как свою более или менее исключительную собственность. Но существуют многочисленные примеры того, что так бывает не всегда, – и два из них взяты из истории современной Европы. Так, например, цыгане, без сомнения, составляют культурное и этническое сообщество с сильно развитым чувством самосознания/самоопределения и при этом не могут и не хотят претендовать на территорию. Или другой пример – Османская империя до XX века разделялась, в частности, на разные «миллеты», то есть немусульманские религиозные общины, которые составляли внутри государства отличающиеся друг от друга, но сосуществующие друг с другом и с государством и с его мусульманской государственной религией сообщества (с собственными формами социальной организации, с весьма обособленной, собственной системой судопроизводства и т. д.). Эти миллеты обладали четко определенными границами: общественными, судебными, экономическими и т. п., которые, однако, никогда не были выражены территориально.

Границы разделяют не страны, а лишь людей или человеческие сообщества, которые, в свою очередь, отличаются не «объективные» черты, а лишь сознание общности их членов и, может быть, только во вторую очередь – поддающиеся «объективизации» черты, то есть приписываемые этим группам отличительные признаки, предопределяющие их общность. Если мы принимаем этот тезис, то перед нами встают два следующих вопроса, которые отражают всю сложность проблемы, а вместе с тем и сложность формирования человеческого сообщества, а именно:

1. Каково содержание явления самосознания/самоопределения?
2. Как происходят процессы формирования самосознания/самоопределения?

У людей есть пол, происхождение, религия, мировоззрение, политические убеждения, симпатии, способности, профессия, социальная принадлежность и т. д. Все это не только предопределяет их индивидуальное самосознание, которое они более или менее осознают, но все это (по крайней мере потенциально) составляет факторы коллективного самосознания. Это означает, что человек принадлежит одновременно к разным группам, причем критерии формирования этих групп различны. Точнее говоря, человек не стадное животное, которое может принадлежать только к одному стаду, но в нормальных условиях у него есть

потребность принадлежать ко многим стадам одновременно. Такое сосуществование различных категорий общественного самосознания превращает человеческое сообщество в столь сложный и запутанный конгломерат, что оно – вопреки утверждениям некоторых идеологов от политики – поддается управлению в весьма ограниченной степени. Кроме того, существует еще самосознание человека как такового, относящееся к сознанию сообщества всех людей, в отличие, например, от других живых существ. Это самосознание мы выделяем с помощью универсальных человеческих ценностей и прав человека или же тогда, когда ввиду грозящей экологической катастрофы говорим об общечеловеческой ответственности за земной шар.

Говоря конкретно, в человеческих сообществах существует определенная иерархия таких самосознаний. Они значительным образом отличаются друг от друга – в зависимости от конкретных исторических эпох; так же, как, впрочем, различна и их способность к сосуществованию. Лишь в XIX и XX вв. большой общественной группой, имеющей решающее значение, начала все явственней становиться нация, потребовавшая для себя приоритета в сравнении с другими общественно-групповыми принадлежностями, потребовавшая для себя доминирующего положения, даже исключительности в вопросах самосознания и лояльности от своих членов. Этот процесс «национализации» индивидуального и коллективного сознания стал возможен благодаря ложному убеждению, что нация, народ являются чем-то «естественным», чем-то таким, что якобы дано от природы. Отсюда возникла также версия о существовании постоянных черт в национальном характере и т. п. Полное отождествление себя с нацией должно было практически означать жизнь в гармонии с природой. Эту фикцию создали интеллектуалы. В 1927 году Жюльен Бенда в своей известной книге «Предательство интеллектуалов» («La trahison de clerc») вот так пронизательно охарактеризовал «это прославление национального партикуляризма»: «они – интеллектуалы – внушали нациям, что они должны черпать свое самосознание именно там, где проявляются наиболее значительные различия: более от своих поэтов, чем от своих ученых, более от своих легенд, чем от своих философий, ибо литература отличается гораздо более сильным национальным характером, содержит в себе намного более дифференцирующего элемента, чем это свойственно чистым продуктам разума. Они внушили нациям, что приоритет следует отдавать специфиче-

ческим, а не универсальным характерным чертам. Они внушили нациям, что те должны находить свое самосознание в том, что отличает их от других наций».

Лишь это доминирующее положение (к тому же раздуваемое идеологией), которое в менталитете стала занимать национальная принадлежность, привело к пониманию нации как решающей категории общественной организации и государственного образования, а также того, что настоящее государство должно быть государством национальным. Границы между народами или нациями должны были стать не только границами между социумами, но и территориальными, а там, где они не совпадают, их надо провести. Самую свежую версию последствий таких убеждений мы наблюдаем сейчас в Югославии. Становится ясно, насколько глубоко границы являются выражением того, что считается законным порядком. Изгнание людей с их родины (сегодня это эвфемистически называется «этническими чистками») является выражением того убеждения, что сосуществование людей разной этнической принадлежности незаконно, противоречит представлениям о настоящем порядке. С аналогичной точки зрения следует оценивать изгнание членов иных конфессий, например, гугенотов из Франции при Людовике XIV или подобные же акции на территории Священной римской империи германской нации в XIV и XVII вв.

Территориальные границы должны устанавливаться на основании ощущения самосознания людей – это требование базируется на романтическом убеждении в том, что формирование больших человеческих сообществ, таких как нация или класс, происходит в своего рода «естественном процессе взаимного поиска»; в соответствии с этим убеждением все члены большого сообщества найдут друг друга естественным образом в совместном коллективном самосознании. Не говоря уж о том, что, пожалуй, никто не может утверждать уверенно, то ли общее самосознание большого сообщества формируется в результате общих интересов, то ли уже существующая групповая идентификация формирует общие интересы – сегодня мы знаем, что как формирование так называемого «классового сознания», так и прежде всего процессы формирования наций происходят весьма сложно и чрезвычайно дифференцированно. По всей вероятности, не существует двух наций, генезис которых имел бы одну и ту же схему. Современные исследования национализма показали, что понятия «нация» и «формирование

нации» – нэйшн билдинг – применяются по отношению к столь различным явлениям, что создание единого общеобязательного понятия «нация», которое означало бы больше, чем только «большая общественная группа», невозможно, то есть не соответствует реальным общественным явлениям.

Формирование самосознания на практике чаще всего происходит бессознательно и не базируется на добровольном решении независимых субъектов деятельности. Представление о том, что границы якобы являются «ничем иным, как только отраженным на земле контуром вполне сознающей себя нации» (Февр), это опасная фикция. Государства (то есть пространства, ограниченные территориальными государственными границами) почти никогда не идентичны нациям. Реальность коллективного ощущения принадлежности всегда более сложна, чем возможности государственно-политической организации. Чем однозначнее категории, которые должны стать основой для проведения границ, тем более нереальными и негуманистическими они оказываются в своих последствиях.

Поставим перед собой следующий вопрос: человеческое ли сообщество создает для себя государство, принимая таким образом организационно-правовую форму, снабженную атрибутами власти или же это государство, как уже существующая власть (господствующая на определенной территории с проживающим на ней населением), организуя своих подданных, создает сообщества? На вопрос, что было вначале – государство или сообщество (народ, нация), нельзя дать конкретный и однозначный ответ. История Европы дает, в зависимости от народов и регионов, разные ответы. Столь же трудно ответить на вопрос, является ли коллективная идентификация добровольным, сознательным, а может быть даже «естественным» процессом или же государство принуждает к нему, требуя от всех своих граждан неукоснительного выполнения требования о лояльности.

Даже когда мы имеем дело с сознательным выбором в пользу определенного самосознания/самоопределения, ясно, что подобные решения не принимаются единогласно всем населением, но отдельными общественными группами, главным образом, элитой или интеллектуалами.

История европейских национальных движений свидетельствует, что вначале единственными носителями национального самосознания являются небольшие группы, потом некоторые определенные социальные слои, претендующие на право выступать от имени своей нации. И они должны «пробудить» в остальных слоях населения это ощущение национальной

идентификации. Причем у понятия «пробуждение» – кем-то вызванное или самопроизвольное – романтические корни, и одновременно оно весьма опасно, ибо предполагает существование некоего «объективного», «спящего» самосознания, которое следует лишь пробудить. Это «пробуждение» происходит тогда, когда людям внушают необходимость существования границ и приводят явные доказательства различий между ними и другими людьми. Честнее было бы отбросить понятие «пробуждение нации» и вместо этого осознать, что тут происходит обычная политическая обработка и что происходит она в рамках конкурентной борьбы с другими силами и с этой точки зрения представляет собой такую же политическую конфронтацию, как все прочие. И, как большинство таких конфронтаций, может осуществляться как с помощью прилагаемых усилий, убеждения, так и с помощью манипуляций или легкого, а то и серьезного принуждения. Сам по себе факт существования такого самосознания еще никак не свидетельствует о том, каким образом оно возникло.

Политическая группа, социальный слой, на которые опирается господствующая политическая система, заинтересована в том и делает все, чтобы как можно больше жителей страны (если не все) считали это государство (режим, политическую систему) своим собственным, вели себя лояльно по отношению к нему и сформировали соответствующее самосознание. Причем разграничение себя и внешнего мира (как и изоляция внутренних врагов) играет тут значительную роль. Не случайно диктатуры, независимо от их цвета, почти всегда используют образ врага, чтобы достичь внутренней сплоченности и абсолютной лояльности. Это означает, что границы втискивают людям в мозги, затем эти границы пропагандируют как чрезвычайно важные, защищающие и гарантирующие существование. Такая абсолютизация явления границы делает совершенно очевидным, что речь тут идет не только о функции границы как защиты от того, что извне, но и от того, что внутри. Границы должны быть непреодолимы не только с внешней стороны, но и в противоположном направлении. Они превращаются в тюремные стены. Это (более или менее) вынужденное самосознание требует далеко идущего контроля за обществом со стороны государства во имя того единства и однозначности идентификации, которых оно требует. Контроль этот относится прежде всего к сохранению границ – в области менталитета, идеологии, а также границ территориальных.

Открытое плюралистическое общество предоставляет личности самые широкие возможности для того, чтобы принимать индивидуальные решения (создавая для этого организационно-правовые рамки), целью которых является не достижение какой-то «истины» или осуществление «исторической миссии», или реализация какого-то «единства» (идеологического, национального, религиозного), но лишь создание возможности для осмысленного решения проблем. Такого рода общество не может быть заинтересовано в однозначном, всеохватывающем, коллективном самосознании своих членов, ибо при таком положении ограничивается свобода дискуссий, затруднено формирование и сохранение независимых институтов и сверху навязываются любые ответы на вопросы о смысле всех начинаний, вместо того чтобы предоставить их открытой дискуссии. Речь тут идет не о том, чтобы отказаться от государственно-политической организации, но о разумном подходе к проблематике границ и самосознания. Нельзя абсолютизировать явление идентификации. Люди с различным самосознанием должны иметь возможность сосуществовать, следует также уважать сосуществование нескольких идентификаций в одном человеке. Недопустимы также попытки государства добиться того, чтобы государственное самосознание граждан совпадало с каким-нибудь другим (например, этническая принадлежность и вероисповедание: знаменитый стереотип – поляк-католик; государственная и социальная принадлежность – государство рабочих и крестьян). Таким образом, нельзя устанавливать абсолютные границы, следует также уважать границы другие – негосударственные, даже если они нарушают территориально-государственные рубежи. Государственный аппарат не должен поддаваться искушению или желанию воплотить в жизнь миф о полном единстве в рамках своих границ. Он обязан считаться с тем фактом, что люди ощущают свою лояльность в отношении групп и институтов, не подвластных вмешательству государства, находящихся вне его границ или требующих автономии для себя.

Разумный подход государства, а тем самым и политики, к границам и проблематике самосознания предполагает существование таких институтов, как ограниченная конституцией исполнительная власть, законность, гарантирующая уважение и эффективную защиту меньшинства (не только этнического), а также минимум незыблемых прав личности, разделение властей, исключающее злоупотребление правами большинства. Как во внутригосударственных, так и в

международных вопросах разумные формы политической деятельности могли бы способствовать именно проблемному анализу и разрешению возникающих конфликтов, а не, как это было до сих пор, достижению целей отдельных групп. В том, что касается территории бывшей Югославии, это означало бы, например, что следует отказаться от принципа, в соответствии с которым причиной взаимного уничтожения сербов, хорватов, боснийцев и албанцев является взаимная ненависть, и попытаться понять, какие представления о порядке вещей пришли тут в столкновение друг с другом, в каких аспектах их можно согласовать, а в каких это невозможно, каким образом можно выработать для этого региона новые понятия о порядке, которые были бы приемлемы для всех сторон, и какие в связи с этим следовало бы провести границы.

Границы могут отделять, но не должны разделять (по-немецки игра слов: «абгренцен» – отделять/«аусгренцен» – разделять), выводить за скобки. Границы подчеркивают различия, но вовсе не обязательно должны их абсолютизировать, две разделенные группы или две территории могут иметь еще много общих элементов. Если же группа или индивидуум исключаются, то любой контакт с ними разрывается, отрицается, а они сами оказываются изолированными от сообщества.

В любом государстве могут проживать граждане, которые по этническому происхождению, языку и религии отличаются от большинства населения, и соответственно такому положению вещей эти меньшинства могут получить определенные гарантии существования. Статус меньшинства означает, что оно отделено (подтверждается существование различий), но члены этого меньшинства (то есть обладатели отличающего их частичного самосознания) остаются гражданами государства, то есть не теряют своей государственной идентификации. Если они исключены, то исчезают какие бы то ни было общие для них и остального населения области, они становятся вынесенными за скобки. В крайних случаях их лишают общего для всего человечества самосознания, как это имело место в фашистской Германии, где евреев и цыган, а позднее и славян даже называли не людьми, а лишь недочеловеками, а потом даже крысами и насекомыми. После такого «вынесения за скобки» – на словесном и художественном уровне (например, в знаменитом кинофильме «Вечный жид») – почти логически последовало уничтожение.

Подобным же образом можно говорить о сосуществовании наций и государств. Европейские границы разграничивают, но

не должны отгораживать. Используя определение «восточная» по отношению к Европе в том же значении, что и «южная», «западная» или «северная», мы, правда, проводим границы, но все эти разные районы по-прежнему остаются частью многоликой Европы. Однако если понятие «Восточная Европа» получает слишком большую семантическую нагрузку в виде содержания, которое по своей сути означает нечто иное, чем «прочая Европа» и не имеет с ней ничего или мало общего, то таким образом Восточная Европа получается отгороженной. Такое отгораживание имеет долгую традицию, и производили его с двух сторон, часто не осознавая последствий. По этой причине столь часто используемое сегодня понятие «возвращение в Европу», представляется не только амбивалентным, но и опасным, ибо подразумевает, что якобы Восточная Европа какое-то время не относилась к Европе, подтверждая тем самым или предполагая заложенное в менталитете такое «выведение за скобки»; отсюда постулат «возвращения». Не говоря уж о том, что таким путем производятся попытки отрицать тот факт, что марксизм и большевизм суть прямой продукт и европейской культуры. Такие рассуждения слишком явно напоминают традиции мышления о мнимых «существенных отличиях» Востока.

Не подлежит сомнению, что в Европе следует укреплять то, что для Европы является общим. Однако для этого не надо сносить границы, отказываться от самосознания, следует только сделать и то и другое проницаемыми, пригодными для сосуществования, а не утверждать их категорическим образом.

Восточная Европа всегда была и остается реальной частью всей Европы, и никто не должен тут опасаться за свое самосознание, ибо если подходить к этому вопросу с исторической точки зрения, то именно эта многоликость делает Европу Европой. Иными словами, это разнообразие идентификаций создает условия европейского самосознания и одновременно является одним из этих условий.

* Замечанные опечатки исправлены